

Некоторые замечания на книгу Д. Матвейчика о восстании 1863–1864 гг.

Рец. на: Матвейчык, Д.Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў / Д.Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонт, 2013. – 122 с. : іл.

Время летит незаметно. Казалось, совсем недавно вспоминалось 150-летие польского восстания 1863–1864 гг.: проводились конференции, памятные акции, выходили многочисленные публикации, поновлялись и устанавливались памятники, шли дебаты в блогосфере, а уже минуло три года.

Недавно на глаза попала книга Дмитрия Матвейчика «Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў». Заинтересовался, поскольку сам занимался темой восстания. Прочитал. Поделюсь впечатлениями.

Во вступлении автор пишет: «Насычанасць паўстання падзеямі, складанасць ацэнак даследчыкаў пазнейшага часу, якія часта залежалі ад палітычнай кан’юнктуры, сталі прычынай таго, што да гэтага часу паўстанне застаецца, з аднаго боку, адной з найбольш вядомых падзей беларускай гісторыі, а з другога – адной са з’яў, што да гэтага часу недастаткова даследавана ў беларускай гістаграфіі» (С. 5). В общем, нельзя не согласиться с этим заявлением, но хотелось бы добавить, что восстание 1863–1864 гг. в белорусской историографии остается еще и одним из самых мифологизированных и спикующих сюжетов отечественной истории. Кажется, и автору не удалось избежать подобных искушений.

Хотя Д. Матвейчик позиционирует свою книгу как научно-популярную, не предназначенную для «гісторыкаў-прафесіяналаў», он все же оговаривается, что «і для іх таксама». Но в связи с этим сразу же обращает внимание отсутствие в тексте ссылок на источники и литературу, хотя в конце книги и помещен их список. Несмотря на то, что выглядит он довольно солидно, установить что и в какой мере заимствовано из него, невозможно, а это сильно снижает научную ценность книги. Впрочем, обзорный и научно-популярный характер издания позволяет автору парировать критические замечания, ссылаясь на его формат. Тем не менее попробуем высказать кое-какие замечания не столько фактологического, сколько методологического и идейного характера.

Обращает внимание наличие в книге богатого иллюстративного материала. Перед глазами проходит целая галерея портретов участников восстания, художественные сюжеты посвященные событиям тех дней, памятные виньетки, карты, редкие предметы того времени и пр. Все это несложно найти в Интернете на польских ресурсах, сделав запрос на польском языке. При этом особенностью книги является то, что автор, несмотря на совершенно определенный национальный характер восстания 1863–1864 гг. – польский, всячески старается умалчивать этот факт, тщательно нивелируя национальную составляющую. Идя вразрез с историческими реалиями и общеевропейской историографией, Д. Матвейчик пытается представить восстание как некий безликий «нацыянальна-вызваленчы рух на землях былой Рэчы Паспалітай». Отсюда грубые методологические ошибки и подмена понятий.

Так, например, описывая ситуацию в Беларуси накануне восстания, Д. Матвейчик пишет: «Сацыяльнай базай маніфестацыйнага руху з'яўляліся ў першую чаргу жыхары гарадоў і мястэчак – вучнёўская моладзь, чыноўнікі, каталіцкія святары, дробная шляхта, рамеснікі і г.д. У сельскай мясцовасці рух быў значна слабейшым і праявіўся пераважна ў выглядзе спявання нацыянальна-патрыятычных гімнаў у касцёлах, правядзення паніхід, святочнай імшы з нагоды святкавання якой-небудзь памятнай даты і г.д.» (С. 12–13). При этом автор совершенно умалчивает о национальной основе манифестационного движения, на что следовало бы указать в

первую очередь. Говорить о социальной базе движения без оговорок национальной составляющей можно было бы в отношении Царства Польского. Но умалчивать национальный аспект манифестационного движения в Беларуси, Литве и Украине как минимум некорректно. Перечисленные категории жителей белорусских городов и местечек поддерживали движение вовсе не по социальному признаку, а по национальному. Участвовали в нем потому, что были поляками или считали себя таковыми по культуре и вере – католической, как тогда говорили, «польской вере». Документы подтверждают, что подавляющая масса участников восстания принадлежала римо-католическому исповеданию¹, а ведь для самосознания того времени «католик» значило «поляк». Известный белорусский общественный и политический деятель В.Ю. Ластовский писал, что за время существования Речи Посполитой католичество «зрабілася верай польскай і зусім злілося з паняццем польскай народнасці, так што паляк і католік гэта пачалі лічыць ужо за адно»².

Поэтому и на селе средоточием возгревания польского патриотизма стали именно костелы. Полагаю, Д. Матвейчик знает, какое именно отечество воспевалось в национально-патриотических гимнах, исполняемых в католических храмах, поскольку сам же упоминает о брошюре «Песни набожные», распространяемой в Беларуси накануне восстания (С. 16). Содержание песен весьма красноречиво. Но так как сельское население в большинстве исповедовало православие, то польский патриотизм белорусским крестьянам был безразличен. Вот почему в сельской местности «рух быў значна слабейшым».

Теперь о социальной базе манифестационного движения. Подавляющую массу ремесленного люда белорусских городов, особенно местечек, составляли евреи, но они в манифестациях не участвовали. Среди городской интеллигенции и чиновников было немало русских и православных белорусов, которые также участия в манифестациях не принимали. Среди учащейся молодежи движение поддерживали, как правило, ученики-поляки. А вот католическое

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1418. – Оп. 3. – Д. 1.

² Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В.Ю. Ластоўскі. – Вільня, 1910. – С. 83.

духовенство и мелкая шляхта, в среде которой преобладало польское самосознание, действительно массово приняли участие в восстании 1863–1864 гг. Потому неслучайно современники называли его «шляхетско-ксендзовским».

В период подготовки восстания польские революционеры настойчиво стремились связать с Польшей судьбу Беларуси, Литвы и Украины, надеясь на поддержку здесь со стороны именно полонизированного элемента³. Потому что как раз носители польского самосознания являлись «шматлікімі прыхільнікамі ідэі аднаўлення Рэчы Паспалітай», где преобладали польская государственность, польский язык, польская культура и «польская вера».

Даже после распада Речи Посполитой польское влияние оставалось настолько сильным, что полонизация белорусов продолжалась и после вхождения Беларуси в состав Российской империи, вплоть до 1860-х гг. Вот что писал по этому поводу один из руководителей восстания 1863–1864 гг. С.И. Сераковский: «Что такое Западный край? Высший и средний класс в нем составляют поляки, или, точнее говоря, литовцы и русские, которые добровольно приняли польский язык, польские стремления – одним словом польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, – все это целиком польское»⁴.

О плодах вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой В.Ю. Ластовский писал: «У другой палавіне XVII стагоддзя беларуская шляхта без мала ўся ўжо перэйшла ў каталіцтва і зусім адарвалася ад свайго народу, заглушыўшы ў сабе польскасцю беларускае нацыянальнае пачуццё. Каталіцтва сталася ўжо “польскай”, “панскай” верай, а праваслаўе і ўніяцтва – верай праствацтва, “хамскай верай”»⁵.

Любопытный штрих: везде в тексте Д. Матвейчик ассоциирует Беларусь с Речью Посполитой, земли которой после разделов частично оказались в составе Российской империи. Причем из кон-

³ Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск : Беларусь, 2005. – С. 317.

⁴ Цит. по: Лазутко, С.А. Революционная ситуация в Литве 1859–1862 / С.А. Лазутко. – Москва, 1961. – С. 183.

⁵ Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 83.

текста неискушенный читатель должен понять, что Речь Посполитая это хорошо, а Российская империя – плохо. Такой вот незатейливый «кликбез». Исторически Речь Посполитая всегда отождествлялась с Польшей, даже несмотря на то, что являлась федеративным государством. Показательно, что с XVII в. в дипломатической переписке использовалось название *Najjaśniejsza Rzeczpospolita Polska*. Это теперь в белорусской историографии пытаются разделить понятия Речь Посполитая и Польша, но насколько удачно – отдельный разговор.

Говоря о манифестационном движении в Минске, Д. Матвейчик заостряет внимание на участии в нем семьи Винцента Дунина-Марцинкевича, сообщая, что сам писатель «быў пэўны час зняволены ў астрогу паводле абвінавачанняў у “распаўсюджанні сярод сялянаў шкодных ідэй”» (С. 10). Действительно, писателя подозревали в пропаганде польских революционных идей и, в частности, в авторстве стихотворного пропагандистского произведения «Гутарка старога дзеда», изданного в нач. 1860-х в виде брошюры⁶. Не будем полемизировать о действительных авторах «Гутаркі», а лишь обратим внимание на заключительные строки этого произведения:

Oj tak! Tak to moi ludzie,
Z Maskalem dobra nie budzie,
Tak pomnicie, szto skazaci,
Jak was buduć pytaci –

Kryknem usie w adny słowa!
Niechaj Polszcza budzie znowa!
Bo jak staniem Polakami,
Budziem roúnyje z Panami!!⁷

Весьма красноречиво: как станем поляками, будем равными с панами!

⁶ Кісялёў, Г. Сейбіты вечнага / Г. Кісялёў. – Мінск, 1963. – С. 144.

⁷ Цит. по: Карский, Е.Ф. Белорусы. Том I. Введение в изучение языка и народной словесности / Е.Ф. Карский. – Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1903. – С. 445.

Конечно, об этом произведении Д. Матвейчик не упоминает, зато не обходит вниманием известные пропагандистские листки (листовки) под названием «Мужыцкая праўда», составлявшиеся Винцентом Калиновским. При этом повторяет избитый миф, называя эти листовки газетой. Думаю, достаточно ознакомиться с определением понятий «газета» и «листовка» в справочных изданиях, чтобы понять разницу. «Мужыцкая праўда», как и другие схожие издания того времени, призвана была настроить белорусских крестьян против православия и русских, но эти прокламации «не оказали своего действия на белорусов, даже католиков»⁸. Для Д. Матвейчика «Мужыцкая праўда» является одним из первых ярких примеров «беларускай палітычнай публіцыстыкі» (С. 16). А вот академик Е.Ф. Карский о ней и подобных изданиях пишет, что «происхождения они, несомненно, польского и католического», на что указывают «их письмо, тенденции и некоторые другие обстоятельства»⁹.

Не буду углубляться в разбор глав, в которых дается «нарыс ба-явых дзеянняў», поскольку они носят обзорный и научно-популярный характер. Выскажу лишь некоторые мысли по поводу.

Например, хочется обратить внимание на возраст участников восстания. Многочисленные иллюстрации сцен восстания, помещенные в книге Д. Матвейчика, в большинстве заимствованы из французских иллюстрированных изданий 1860-х гг. Французские художники рисовали образы повстанцев, так как они их себе воображали: на гравюрах, исполненных определенного пафоса, мы видим суровых усачей и бородачей. Также и на портретах руководителей восстания перед нами в основном зрелые мужчины. На самом же деле подавляющую массу в повстанческих отрядах составляли совсем молодые люди, а нередко и вовсе мальчишки (гимназисты и пр.) с еще не сформировавшимся мировоззрением. Ими легко манипулировали руководители восстания: обольщали, запугивали, обманывали. Так, например, на Минщине, агитируя в отряды новых членов, вербовщики уверяли, что повстанческий «начальник» Болеслав Свенторжецкий собрал «около 8000 человек, что у них есть пушки, много оружия, что французы и другие народы идут к нему на по-

⁸ Карский, Е.Ф. Белорусы. С. 443.

⁹ Там же.

мощь и русские войска переходят на его сторону, и что в некоторых местах объявлено польское право»¹⁰. А потом эта обманутая молодежь, оказавшись под арестом, писала на имя военного начальства слезливые прошения о помиловании, в которых ссылались на свой юный возраст и неспособность устоять перед угрозами агитаторов. Вот отрывок из подобного прошения, написанного членом отряда Лясковского–Свенторжецкого Кази-миром Окуличем: «Пред испытанным ныне несчастьем для здешней страны, я получа воззвание к прямому участию в мятеже, нисколько не колеблясь решительно отказал, не имея к тому ни малейшего сочувствия; но получа на мой отказ угрозы и обещания в будущем времени моего преследования, нисколько не удивительно, что неотвечность моя девятнадцатилетнего возраста, заставила меня исполнить приказание, я не был в силах отказаться; я невольно принял участие в мятеже, не зная даже цели его; но желание возвратиться под кров спокойной жизни было единственным моим счастьем. Во время бытности моей в шайке, я прискал счастливую минуту, которой воспользуясь, добровольно явился к Начальству, с надеждою найти сочувствие, в моем невинном поступке, и ныне с искренним раскаянием, прибегаю под отцовское покровительство Вашего Превосходительства, прося милостивого воззрения на мою молодость и неопытность в преступлении, а что я хочу быть навсегда верноподданным Государю Императору, в том покорно прошу дозволить мне доказать это присягою»¹¹. Как видим, ничего героического.

И нередко русские военные, противостоявшие повстанцам, жалели и спасали этих молодых людей. Генерал А.И. Деникин вспоминает о своем отце-офицере – участнике подавления восстания 1863–1864 гг.: «Рассказывал отец и про другое: не раз он спасал поляков-повстанцев – зеленую молодежь. Надо сказать, что отец был исполнительным служакой, человеком крутым и горячим и вместе с тем необыкновенно добрым. В плен попадало тогда много молодежи – студентов, гимназистов. Отсылка в высшие инстанции этих пленных, “пойманных с оружием в руках”, грозила кому ссылкой, кому и

¹⁰ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : Сборник документов. – Москва, Вроцлав : Наука, 1965. – С. 434.

¹¹ НИАБ. – Фонд 256. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 17–17 об.

чем-либо похуже. Тем более что ближайшим начальником отца был некий майор Шварц – самовластный и жестокий немец. И потому отец на свой риск и страх, при молчаливом одобрении сотни (никто не донес), приказывал, бывало, “всыпать мальчишкам по десятку розог” – больше для формы – и отпускал их на все четыре стороны.

Мне не забыть никогда эпизода, случившегося лет через пятнадцать после восстания. <...> Отцу пришлось ехать в город Липно зимой в санях – в качестве свидетеля по какому-то судебному делу. Я упрямил его взять меня с собой. На одной из промежуточных станций остановились в придорожной корчме. Сидел там за столом какой-то высокий плотный человек в медвежьей шубе. Он долго и пристально поглядывал в нашу сторону и вдруг бросился к отцу и стал его обнимать.

Оказалось, бывший повстанец – один из отцовских “крестников”¹².

А вот отрывок из воспоминаний повстанца, участника боя под селом Юревичи Игуменского уезда Владислава Баратынского: «Малишевский, получивший одиннадцать ран, был спасен одним спешившимся казаком, который прикрыв его собою, не давши добивать разъяренным солдатам, и вынес его из лесу на своих плечах. Когда после Малишевский лежал в игуменской больнице, этот самый казак навещал иногда его, приносил ему съестное, купленное на последние гроши, и при встрече был ему рад, как родному»¹³.

Но Д. Матвейчику, полагаю, было нежелательно показывать положительный образ русских военных, поскольку он не вписывался в идею издания.

Меж тем, по-своему показательна последняя глава книги – «Рэпрэсіі супраць удзельнікаў паўстання». И хотя очевидно, что к «нарысу баявых дзеянняў», чему посвящено издание, она имеет мало отношения, зато конечно же «важна» для автора в идеологическом (или идейном) плане. При этом, включив в книгу главу о репрессиях против участников восстания, Д. Матвейчик умалчивает о мно-

¹² Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – Москва : Современник, 1991. – С. 14–15.

¹³ Баратынский, В.Л. Последняя польская смута 1863 г. (воспоминания) / В.Л. Баратынский // Русская Старина. – 1886. – № 8. – С. 433.

гочисленных преступлениях, порой вопиющих, совершенных со стороны повстанцев в отношении мирных жителей. Но жертвы среди мирного населения также не вписываются в концепцию книги, направленную на «папулярызацыю гісторыі паўстання на Беларусі сярод яе жыхароў» (С. 115). Однако сколько тех же белорусов погибло от рук повстанцев, автору почему-то неважно.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров страшных преступлений.

Крестьянин деревни Сороки Гродненской губернии Иван Макаревич пострадал от рук повстанцев за то, что отказался вступить в их ряды. В ночь на 1 июля 1863 г. два шляхтича из местечка Щуки вызвали Макаревича из дома и под предлогом указать дорогу в местечко Мосты, увели с собой. Там его подвергли жестоким истязаниям: связав веревками, отрезали нос и уши, содрали с обеих ног кожу, разорвали правую щеку. Затем истерзанного вывели за деревню, бросили в картофельную яму вниз головой и еще живого забросали землей, а само место, чтобы скрыть следы, забороновали. Только на десятый день случайно обнаружили тело Макаревича: труп лежал вниз головой, руки и тело были связаны, шею обвивала веревка, на ногах полосами висела содранная кожа¹⁴.

21 апреля 1863 г. отряд повстанцев пытался войти в село Новоселки Игуменского уезда Минской губернии, но местные жители решили не впускать его в село. Тогда повстанцы применили против безоружных крестьян сабли и ружья, в результате чего четверо из них были убиты (Петр Казак, Антон Варивончик, Дорофей Горбачик и Герасим Андросик) и десять ранены. Хотя жители Новоселок заплатили большую цену, их мужество все же заставило повстанцев уйти в лес.

Учитель Лысковского народного училища Волковысского уезда Гродненской губернии Фридрих Вишгольц за отказ снять портреты императорских особ в училище и ввести польский язык был убит выстрелом из револьвера среди бела дня на базарной площади помещиком Засуличем. Тело Фридриха три дня лежало на площади, так как повстанцы запретили под угрозой смерти поднимать его и хо-

¹⁴ Баратынский, В.Л. Последняя польская смута 1863 г. С. 290–291.

ронить. Только на четвертый день вдова убитого похоронила мужа на поле за местечком, как распорядился начальник повстанческого отряда местный помещик Здислав Быховец, сказавший вдове: «Закопай там, где псы воют»¹⁵.

Крестьянин того же местечка Игнатий Кулеша, служивший при винокуренном заводе имения Харовщина, в мае 1863 г. повешен в лесу повстанцами по жалобе поляка, управлявшего заводом. Кулеша обозвал его «глупым мятежником», что и послужило поводом к убийству¹⁶. Повод ведь ничтожный.

19 сентября 1863 г. находившиеся в сельском карауле крестьяне деревни Гошево Кобринского уезда Михаил Луцко и Алексей Михнюк схвачены проезжавшими повстанцами и повешены¹⁷, а «крестьянская девка», гнавшая волов в поле, изнасилована¹⁸.

Крестьянин Дмитрий Сытый повешен повстанцами в лесу, вблизи которого пас скот¹⁹. Видимо, от него избавились как от свидетеля. А вот другого пастуха повстанцы повесили недалеко от местечка Свислочь Бобруйского уезда за то, что тот выразил недовольство по поводу зарезанной ими телушки²⁰.

Подобных фактов множество. К сожалению, сколько именно мирных жителей погибло от рук повстанцев с достоверностью установить трудно. Например, по данным «Московских Ведомостей» на 19 сентября 1863 г. количество только повешенных достигало 750 человек²¹. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона указывает число повешенных повстанцами около 2000, оговариваясь, впрочем, что цифра неточная и спорная. В Вильнюсе в Пречистинском соборе сохранились установленные еще в XIX в. памятные доски с 349 именами мирных жителей – жертв восстания 1863–1864 гг. Возглавляют список имена православных священни-

¹⁵ Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 27. – С. 284.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. I. С. 301–302.

¹⁸ Там же. Ч. II. С. 400.

¹⁹ Там же. Ч. I. С. 302.

²⁰ Гродненские епархиальные ведомости. – 1993. – № 5. – С. 6.

²¹ Московские Ведомости. – 1863. – № 213. – С. 2.

ков Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича, повешенных повстанцами.

О священнике Данииле Д. Матвейчик упоминает в книге, заострив внимание на том, что он «займаўся актыўнай антыпаўстанцкай агітацыяй у навакольных вёсках» (С. 62). Надо же как-то оправдать его убийство. А далее мы узнаем, что четверо участников расправы над священником были казнены «у якасці помсты». То есть не по результатам доказанного следствием и признанного судом преступления, как это было в реальности, а в качестве мести.

Упомянул Д. Матвейчик священника Даниила, видимо, потому, что о жизни и мученической кончине последнего написана книга²². А вот о других священнослужителях, убитых повстанцами, не упомянул. Зато упомянул имена трех ксендзов, которым власти вынесли смертный приговор за участие в подготовке восстания (С. 33). Таковы авторские пристрастия.

Умалчивая многочисленные злодеяния участников восстания, Д. Матвейчик вместе с тем ополчается на сельские караулы, организовывавшиеся крестьянами в смутные дни восстания для охраны населенных пунктов. «Сельскія варты ў сваёй дзейнасці дапускалі шмат злоўжыванняў», – сетует он и в качестве примера сообщает о том, что караулы задерживали и передавали властям не только «подозрительных» людей, но всех неизвестных лиц, оказывавшихся на контролируемой ими территории (С. 101–102). А чтобы усилить впечатление, Д. Матвейчик приводит слова сенненского уездного дворянского маршалка Юлиана Рашковского, назвавшего деятельность караулов «сельским террором». Вот так: повстанцы, убивавшие мирных жителей – герои, а вставшие на защиту своих хат белорусские крестьяне – террористы.

Для Д. Матвейчика обязательной идеологической составляющей главы о репрессиях является дискредитация личности Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, предпринявшего энергичные меры к подавлению восстания. Его деятельности автор дает исключительно отрицательную оценку, которую и старается навязать читателю. А чтобы усилить негативное впечатление, помещает

²² Щеглов Гордей, священник. Год 1863. Забытые страницы / священник Гордей Щеглов. – Минск : ВРАТА, 2013. – 128 с. : ил.

даже ряд карикатур на Муравьева, на одной из которых тот возвышается на груде человеческих скелетов – эдакий апофеоз «тирана». Но хочется напомнить, что деятельность Виленского генерал-губернатора не столь однозначно оценивалась и оценивается историками. Например, М.В. Довнар-Запольский, признанный основоположником белорусской национальной историографии, положительно отзывается как о самой личности Муравьева, так и его деятельности в Беларуси. «Хотя в поляках Михаил Николаевич Муравьев и оставил тяжелое воспоминание, – пишет историк, – какое оставляет в памяти каждого восставшего народа его усмиритель, однако, это был один из выдающихся деятелей эпохи»²³. В своих оценках Довнар-Запольский, в отличие от Д. Матвейчика, четко разделяет интересы польские и белорусские.

Выскажу еще одно, на мой взгляд, важное замечание по содержанию главы о репрессиях. Сообщая о самом распространенном виде наказания в отношении лиц, сочувствовавших восстанию, – денежных штрафах, автор пишет, что эта мера, по замыслу властей, должна была ослабить в Литве и Беларуси влияние «мясцовых памешчыкаў і дваранаў каталіцкага веравызнання». Обратите внимание, акцент делается на конфессиональной принадлежности лиц подвергаемых репрессивным мерам. Далее читаем, что различными процентными сборами было обложено «пераважна каталіцкае насельніцтва Беларусі. Напрыклад, аднапрацэнтны збор з усіх католікаў, якія валодалі нерухомай маёмасцю ў гарадах, пяціпрацэнтны збор з усіх памешчыкаў-католікаў» и т.д. (С. 105–106). Таким образом, получается (по Матвейчику), что русские власти применяли репрессивные меры по вероисповедному принципу – к католикам! Хотя в действительности власти старались ослабить в Беларуси *польское* экономическое влияние. И репрессивные меры касались именно помещиков-*поляков*, а не помещиков-*католиков*, т.е. по национальному признаку, а не вероисповедному. Ослабление *польского* влияния в Северо-Западном крае, как называли тогда Беларусь и Литву, было официальной политикой российского правительства. Именно о «польском влиянии» говорили, писали, по-

²³ Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии. С. 315.

лемизировали и в XIX и в нач. XX в. Но вот теперь мы узнаем, что, оказывается, репрессировали «каталіцкае насельніцтва Беларусі». Полагаю, автор умышленно спекулирует понятиями, прекрасно зная, что слово «католик» было синонимом слова «поляк», о чем уже говорилось выше. Но делает акцент именно на слове «католик», и делает это сознательно, чтобы скрыть национальный характер восстания – польский, и вместе с тем придать репрессивным мерам кроме политического, еще и религиозный окрас: мол, смотрите, русское правительство преследовало католиков. Поэтому мы и встречаем выражения, вроде: «рэпрэсій супраць мясцовага каталіцкага насельніцтва» (С. 112).

На самом же деле психология была такова, что даже католическое духовенство, сочувствовавшее восстанию или участвовавшее в нем, осознавало себя прежде всего поляками, а уж потом католиками, не говоря уже о светских лицах. Приведу красноречивый пример. В нач. XX в. в селе Медведичи Слуцкого уезда был возведен богатый каменный костел, главным строителем которого являлся помещик Александр Крачельский – бывший участник восстания 1863–1864 гг. Умирая в 1909 г., он отказался исповедоваться у ксендза, заявив, что атеист «и строил костел во имя торжества не католичества, а польской идеи»²⁴.

Когда в кон. XIX – нач. XX вв. на территории Беларуси стали массово открывать тайные польские школы, основной идеологической составляющей воспитания в них было: представлять бывшее польское государство в ореоле мученичества, героизма и святости, а русское правительство – «в роли свирепого и беспощадного варвара, загубившего польское государство и стремящегося загубить и польскую веру»²⁵. Любопытно, что именно по этой схеме строится и большинство современных публикаций о восстании 1863–1864 гг., только польский его характер стараются периформатировать в белорусский, выдавая за некий национальный

²⁴ Сорока Ростислав, священник. Католическая пропаганда в России в первой четверти XX века : Курсовое сочинение / священник Ростислав Сорока. – Ленинград, 1963. – С. 81.

²⁵ Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1883–1914 гг.) / А.Ю. Бендин. – Минск : Белорусский государственный университет, 2010. – С. 376.

«вызваленчы рух». А поскольку в научном плане эта задача невыполнима, на помощь приходит миф. В данном же случае мы наблюдаем неудачную попытку затушевать национальный – польский – характер восстания, и «актуализировать» его в национально-белорусском историческом контексте. В результате – довольно обшая, а местами весьма размытая историческая картина с признаками явных идеологических пристрастий. Но, несмотря на старательное избегание Д. Матвейчиком каких-либо упоминаний польскости, можно констатировать, что в книге представлен однобокий взгляд – польской стороны. Потому, думается, неслучайно поддержку изданию оказал Польский Институт в Минске.

Кстати, за эту книгу автор в 2014 г. был удостоен премии имени Франтишка Богушевича, утвержденной Белорусским ПЕН-центром в 1996 г. для авторов лучших книг, содействующих пробуждению исторической памяти и национального самосознания белорусов. Но в связи с этим возникает вопрос: книга Д. Матвейчика пробуждению какого национального самосознания содействует?